

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Оу Мэнлянь на тему: «Категория пространства в творчестве Ф. Достоевского», представленную на соискание ученой степени кандидата культурологии по научной специальности 5.10.1 - Теория и история культуры, искусства

Диссертация, представленная к защите, выполнена на актуальную тему. Проблема пространства (или даже разных пространств) в культуре обладает несомненным гносеологическим интересом. Само понятие «пространство» активно эксплуатируется в терминологическом аппарате современной гуманитарной науки. Имея генетические корни в тезаурусе точных и естественных наук, это понятие, тем не менее, нашло широкое применение в описании феноменологии разнообразных культурологических данностей - будь то визуальная изобразительность живописи, фотографии, кино или литературного текста. Пространство в текстуре литературных повествований Ф.М. Достоевского до сих пор полноправно не осмыслено и требует глубокого анализа, чему и посвящена работа Оу Мэнлянь.

В структурном отношении диссертация соискателя состоит из трёх главных частей - трёх глав, каждая из которых посвящена своему собственному модусу бытования пространства в произведениях Достоевского. Эти модусы можно обозначить через следующие позиции: архитектурное пространство (первая глава), пространство этического взаимодействия (вторая глава), пространство проектирования идеального социума через становление и отрицание (третья глава). В первой главе автор рассматривает человека (героя произведений) как физическое тело в физическом же состоянии замкнутого в трёх пространственных оболочках. Первая оболочка - это субъектное «Я», которое не может быть вне пространственных характеристик, поскольку всегда есть конкретный персонаж, со своим именем, внешностью, характером, возрастом, нарративом и т.п. В этой субъектной оболочке живёт некий внутренний мир, пространство идей, мечтаний, исканий, страданий и других метафизических активностей. Можно сказать, что это внутреннее в конкретном человеке (герое литературного произведения) является своеобразной редукцией платоновского трансцендентного, которое оказалось перенесено в физический удел вполне себе земной головы того или иного персонажа. Вторая оболочка - это архитектурный кокон обитания персонажа, его комната, квартира, «угол», - у Достоевского, несмотря на краткость описания всегда точно охарактеризованная как правдивое воспроизведение жилищных обстоятельств Петербурга XIX века. Третья оболочка - город, в котором находится «угол», малое пространство жизни «мечтателя» и/или «мистика». Писатель довольно наблюдателен, чтобы Петербург у него предстал узнаваемым и *настоящим*. Такое кумулятивное расположение этих пространственных оболочек и есть та ограда - та «стена» (стр. 24), - о которой пишет Достоевский и которую анализирует соискатель в своей диссертации. На наш взгляд, Оу Мэнлянь справедливо подметила характеристики пространств именно архитектурной модификации: чтобы мечтать и воспарять к идеалам герои Достоевского должны иметь локацию,

зафиксированную в некоем месте и оттуда как бы пульсирующие своей метафизической активностью подобно электромагнитному излучению, испускаемому радиально от своего источника. Таким образом, решается снятие гомологичности геометрического пространства, однородность которого, по мысли диссертанта, является неполной формой бытия. Если есть точка, отличная от иных других точек пространства, например, наличием этого духовного «излучения», то она начинает окрашиваться в инородную фактуру, которую ей придаёт аксиология, ибо точка эта (*точка мысли*) приобретает иной смысл, чем те точки в бесконечности, которые есть суть только геометрические константы. Автор диссертации прав: однородное пространство, как его понимает наука, не имеет иных смыслов, кроме тех, которые обусловлены законами этой науки, т.е., например, точка может иметь содержание ввиду только природных (вне-человеческих) состояний; через неё может проходить линия, или она может быть задана алгебраически через функцию, или она может характеризовать физическую величину, скажем, массу, которая вступает в гравитационное взаимодействие с другой точкой, имеющей массу и т.п. Такой мир, такое пространство существует без человека, и для Достоевского он сильно ограничен или неполон, поскольку обретает себя вне этических проблем, пронизывающих этическое бытие. Можно сказать, что в таком физическом материальном («научном») мире нет нравственного без человека, подобно тому, как без человека по мысли Гегеля не существует в мире красоты, коль нет субъекта, способного продуцировать чувство прекрасного и, соответственно, давать оценку явлениям в дискурсе эстетических суждений. Человек в пространстве у Достоевского необходим чтобы выносить этическое суждение.

Во второй главе диссертант приступает к анализу очеловеченного пространства. Это мир постоянной динамики, нравственного становления, он не имеет статики, но подобно физическому пространству в нем действует своя механика, механика боли, перехода от несчастья к счастью (или наоборот), от любви к безумию, от жизни к смерти, от заблуждений к прозрению и т.п. Герои Достоевского - суть объекты движения, подобно материальным телам они подчиняются столкновению, импульсу, противодействию, сохранению энергии и энтропии. Душа персонажа не знает покоя, но его беспокойство не разворачивается только во времени, как верно и критически к только временной оценке сюжетов у Достоевского подходит О. Мэнлянь (стр. 3-4). Движение идей во времени (и в голове персонажа, в редуцированном платоновском трансцендентном) запускает движение в пространстве: герой выходит из своего архитектурного кокона, «угла», и начинает блуждания по улицам, подворотням, лавкам и притонам, попутно совершая различные операции, взаимодействуя с иными телами в физическом пространстве. Мысль героя у Достоевского вполне способна материализоваться и овеществиться через действие, хотя, как верно отмечает диссертант, часто эти действия происходят в иных мирах: снах, галлюцинациях, бредовых фантазиях. Во второй главе мы видим, что трансформация пространств одного в другое (внутреннего, пространства мечтаний в социальное, уличное пространство) окрашено поиском потерянного, некоей идеи, которая могла бы сделать героя счастливым. Если его счастье заключается в обретении Бога, то и пространство, каким-то образом, должно быть связано с возможностью локализации если не самого божества, то признаков его присутствия (стр. 79). Образ писателя, Ф.М. Достоевского, часто в исследовательской традиции предстаёт как идеал неформального христианина,

живущего вне норм догматического или ритуального православия. В действительности, вторая глава настоящей диссертации наводит на мысль, что Достоевский не столько дилетантизирующий *богослов*, сколько богоискатель в духе, если и не апостольской традиции, то раннего христианства времён активной патристики. Попытка определить пространственные координаты Бога в модальности геометрии Блаженного Августина у русского писателя перерастает в возможность локализовать Бога в душе каждого отдельно взятого «мечтателя»/ «мистика», сидящего в своём затворничестве, в своём «углу». Оу Мэнлянь совершенно справедливо подмечает, что мотив затворника, монаха, важен для Достоевского как образ координатной точки, от которой, как минимум, можно начать отсчёт в богоискательстве. Отсюда необходим мотив комнатки, «угла», кельи мечтателя-мистика, или даже анти-кельи. Действительно, если монах стремится в своей доброте к умерщвлению самого себя в келье, то в анти-келье, комнатке Раскольникова, зреет мысль об убийстве другого.

Третья глава диссертации посвящена социосфере, в которой разворачивается драма конституирования «идеального» мира с его благами, свободами, открытиями и поиском всеобщего счастья. Социальный, или цивилизационный, контекст государственной регуляции социума у Достоевского, по мысли соискателя, выражен в моделях трёх различных пространств-государств. Эти пространства имеют мало общего с географической или политической определённой, и ограничены, скорее, распространением методов взаимодействия с природой и другими людьми. Более того, героям они кажутся полностью самостоятельными, изолированными, а переход из одного в другое полностью меняет человека, как бы спасая его от себя самого, но прежнего, плохого и отвратительного, каким он был в ином, прошлом пространстве (стр. 137, стр. 138). «Америка» - технократический мир свободы, прибыли и материального благополучия при определённом успехе, который возможен в условиях конкуренции и подавления другого. «Швейцария» - мир гармонии человека и природы, где первозданная дикость мира, его естественная реальность (горы, луга, водопады), облагорожена цивилизацией. «Россия» - пространство поиска Бога и счастья (стр. 155), такого же утопического поиска, как формат искания всеобщего материального благополучия, поскольку требует обязательного всеобщего труда со стороны внутренних духовных сил каждого человека. Однородность социального пространства здесь подвергается критике, подобно однородности геометрического пространства. Однако парадокс заключается в том, что без этой однородности невозможно выстроить систему, а, следовательно, функционирующую модель, которая привела бы человечество к некоему благополучию, пусть условному и смутному, но всеобщему и лишённому экстремальных общественных напряжений и противоречий. Но именно эти силовые линии становятся залогом тех конфликтов, которые и обуславливают суть произведений Достоевского. Снятие этих конфликтов приведёт к ненужности философских исканий писателя.

Методология, постановка цели и задач, формулировка объекта и предмета исследования позволяют получить значимые исследовательские результаты. Автор построил непротиворечивую концепцию; логика и ход рассуждений убедительны и открывают возможность сформулировать выводы. Несомненной ценностью работы является широта демонстрации научной эрудиции соискателя: Оу Мэнлянь активно цитирует различные произведения великого русского писателя - «Белые ночи», «Записки из подполья»,

«Подросток», «Братья Карамазовы», «Бесы» (эти и другие произведения предстают в убедительной демонстрации). Диссертант показал отличное владение материалом и прекрасную литературоведческую подготовку. Соискатель ясно и точно сформулировал положения, выносимые на защиту.

Замечания, которые возникли после прочтения работы, носят уточняющий и разъясняющий характер. Во-первых, Оу Мэнлянь, во всей гносеологической полноте так глубоко погрузилась в философию Ф.М. Достоевского, что, вероятно, забыла о художественной природе его текстов. Они не являлись философскими трактатами, но подчинялись законам литературных жанров: поэтому развитие многих сюжетных линий, мыслей и действий в этих произведениях объясняются не внутренней философской логикой, а логикой самого повествования. Отсюда и фантазии, убийства, похождения, запретная любовь - то, что могло развлекать читателя, а не только воздействовать на его ум. Во-вторых, вероятно, любовь диссертанта к творчеству писателя вызвала некое сращение с его собственными убеждениями и с неприятием «механистического» *только-научного* мировоззрения. Однако не будем забывать, что на сегодняшний день многие воззрения Федора Михайловича на научный и технический прогресс кажутся уже наивными. «Машина» (холодная наука, отвлечённая геометрия, жестокое естествознание) за прошедшие полтора столетия сильно изменилась. Сам научный дискурс давно уже обрёл и этический, и эстетический смысл. Машинная цивилизация породила новые реальности и миры, насыщенные новыми смыслами, далёкими от переживания человека XIX столетия. Достоевский жил в век исключительно стремительных эвристических движений, которые и породили оторопь перед новым методом постижения бытия. Наука казалась ещё чужой и потому пугающей и бездушной, особенно на фоне сохраняющихся пережитков полуфеодального уклада, сословного общества, религиозной нетерпимости и т.п. Отчасти оторопь перед «бездушным» Ньютоновым пространством (стр. 17) - выдуманное переживание, поскольку это пространство не вступало никогда в противоречие с категориями культуры и являлось моделью для постижения тех законов, которые были необходимы для изучения фундаментальных явлений, которые культура как таковые не рефлексирует или делает это слабо (движение, импульс, ускорение, скорость, масса, гравитация и т.п.). Убеждённость в том, что законы природы как-то вступают в противоречие с нравственностью приводит к странным и неясным высказываниям у автора: «сила духа Кириллова непременно должна была поправить законы пространства, придав ему метафизическое измерение» (стр. 101). В третьих, при чтении текста диссертации сложилось мнение, что О. Мэнлянь игнорирует топографический аспект пространства в творчестве Достоевского, а ведь тексты литературных произведений в ряде случаев отличаются, по сути, картографической правильностью тех мест Петербурга, где разворачивались события. Почему писатель так дотошен в рассказе о маршрутах того же Р. Раскольников? Ответа на этот вопрос в диссертации нет, но, возможно, автор исследования намерено не ставил перед собой такую задачу, хотя было бы интересно узнать его мнение на сей счёт. В четвёртых, в тексте наличествуют небольшие погрешности, например, Б. Кузнецов указан как И. Кузнецов (стр. 60) и т.п. Все эти замечания не влияют на общее самое благоприятное впечатление от представленной к защите диссертации.

С учетом всего вышесказанного полагаю:

Содержание диссертации Оу Мэнлянь на тему «Категория пространства в творчестве Ф. Достоевского» соответствует специальности 5.10.1. «Теория и история культуры, искусства»;

Диссертация является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития культурологии в сфере изучения литературно-художественного культурного наследия, изложены новые научно обоснованные философско-культурологические воззрения на творчество Ф.М. Достоевского, осмыслено конструирование писателем образно-сюжетной структуры воображаемых пространств литературного гипертекста; исследование Оу Мэнлянь имеет существенное значение для развития страны.

Нарушений пунктов 9, 11 Порядка присуждения Санкт-Петербургским государственным университетом ученой степени кандидата наук соискателем ученой степени кандидата культурологии мною не установлено.

Диссертация Оу Мэнлянь на тему «Категория пространства в творчестве Ф. Достоевского» соответствует критериям, которым должны отвечать диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, установленным приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете» и рекомендована к защите в СПбГУ.

Член диссертационного совета:

доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры музеологии и
культурного наследия СПбГИК

Мухин Андрей Сергеевич

Подпись руки

Мухина А.С. заверяю

04 марта 2024 года

специалист по кадрам

А.И. Метелица
04.03.2024

